

МАРУСЯ ГАГАРИНА

КНИГА МОИХ
ПОБЕЖДЕННЫХ
СТРАХОВ

1 + 2 = ?

Маруся Юрьевна Гагарина
Книга моих побежденных
страхов. Зажмурься, улыбнись
– и ты снова в детстве!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683106

ISBN 9785005031969

Аннотация

Я всегда боялась стать скучной взрослой и много чего еще. Именно поэтому, в утомительной, но удивительно лечебной борьбе, появились эти теплые истории. В них самая настоящая я – всем привет!

Содержание

Начало	5
Нарушитель	7
Искорки и зубы	10
Футболисты	14
Принцесса и Человек-Паук	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Книга моих
побежденных страхов
Зажмурься, улыбнись
– и ты снова в детстве!**

Маруся Юрьевна Гагарина

© Маруся Юрьевна Гагарина, 2019

ISBN 978-5-0050-3196-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тем, кто научил меня не бояться

Начало

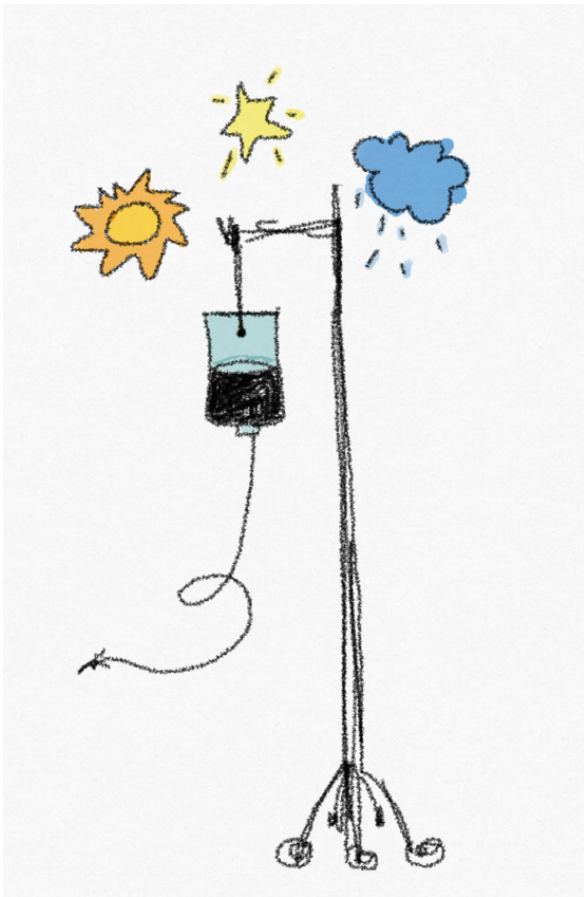
– Она уже уснула?

– Почти. Извините, нужно идти, – милостивая девушка в халате старается говорить как можно мягче. – Все будет в порядке.

Фраза дежурная, и вряд ли маме легче от того, что она её услышала сейчас. Вокруг меня, будто солнечные зайчики, прыгают разноцветные пятна, а потом наступает ватная, рыхлая темнота.

– Мам, больно! – пытаюсь убрать прозрачную трубочку катетера я. – Щиплет!

Она улыбается в ответ, на глазах слезы, но старается держаться, я вижу. И помню все в деталях: мне два года, стены больницы, много белых халатов – они, будто шумная птичья стая, летают по длинным коридорам. Серые, будто речные камушки, глаза внимательно осматривают пространство, и мне совсем не страшно: только хочу, чтобы убрали ненавистные трубки, а ещё – поехать домой.

Похоже, это был последний раз в моей жизни, когда я совсем ничего не боялась и смотрела на мир, как на большую коробку с игрушками.

Нарушитель

– Маленькая дрянь! Выходи живо, все равно же найду!

Я едва успеваю перевести дыхание от бега, стараюсь не делать резких движений: сарай, в котором прячусь, битком набит садовым инвентарем. Но я не отличаюсь грацией, и тонкая ручка огромных граблей больно бьет по затылку:

– А-а-а! – не могу удержаться я. Падает ещё что-то: кругом стоит звон, будто одновременно разбилась сотня глиняных чашек. Сердце так колотится о грудную клетку, что, кажется, вот-вот переломит самую тонкую кость и вылетит на свободу. Скрипит дверь, и я вижу малиновое от злости лицо сестры, в стёклах очков пляшут злые огоньки:

– Ну, все! – вопит она. – С меня хватит! В садике после обеда спят! – и хлопает меня пониже спины.

– Н-но я-а же не в са-адике! Бабушка разрешала просто лежать и чита-ать! – меня захлестывают вселенская обида, тоска по бабуле и моим любимым книжкам, которые теперь, в тихий час, мне запрещено брать в руки.

– Ты – ужасная сестра! – я ужом выюсь в её руках, пытаюсь освободиться. Безуспешно: они вцепились в подол платья мертвой хваткой.

– Что я тебе обещала, забыла уже? Что делают с теми, кто не слушается? Дрянь такая! – хлесткое слово снова вырывается наружу. – Пошли-ка!

– Правильно говорить – «пойдём!», – дрожаще-хлопающим голосом вставляю я, поражаясь собственной смелости и дерзости. – А ещё в школе учишься!

Я знала, что пожалею о сказанном, но ужас перед наказанием сестры мгновенно съезживается, все в ссадинах плечи расправляются. Странное чувство: горжусь собой одновременно с готовностью умереть от страха.

Она тащит меня в подвал: там сыро, странно пахнет и рядами стоят банки с заготовками, а ещё темнота – хоть глаз выколи.

– Посидишь, подумаешь над своим поведением! С крысами! – последнее слово она выпаливает особенно громко и от души хлопает тяжелой крышкой.

Я шумно дышу, кажется, отсюда крысы унесли весь воздух – иначе как объяснить почти полное его отсутствие? На подмогу, как всегда, приходит воображение: серые создания ловят лапками невесомые облачка и аккуратно опускают их в заплечные холщовые мешки. Поймав все, что летало в бархатной тьме, они подмигивают друг другу и длинной вереницей отправляются в обратный путь, по своим уютным норкам. Интересно, как у них там? Крохотные стульчики, кровати, чай, наверное, пьют, за столиком, накрытым кружевной скатёркой, дуют на горячее так, что длинные усы подрагивают...

– Я дома! – папин голос невозможно не узнать.

Сестра спешно освобождает меня из заточения, стараясь не смотреть в глаза отцу.

– Не слушалась вот опять, – оправдывается она.

Он хмурится ей, улыбается и подаёт мне руку, а я глазами отвечаю: «Не волнуйся, я победила!».

Когда есть тот, кто крепко и нежно держит тебя и твоё сердце, в этом мире нечего бояться, даже если на пути внезапно случается двоюродная старшая сестра, а тебе всего пять.

Искорки и зубы

Лето – это отдельный, совершенно особенный сорт счастья. Это щеки, перемазанные ягодным соком, сладковатые травинки во рту, звон прозрачных стрекозиных крылышек, сон в копнах душистого сена. И прогулки!

– Лаймка, Лайма! Гуля-ать!

Огромное облако рыже-белого пуха накрывает меня с головой, пытаюсь нащупать стальное колечко на ошейнике. Наконец, успешно, и я защелкиваю на нем карабин поводка. Тяжело дыша от июльской духоты, моя верная подруга ложится рядом: запускаю ладошку в длинную струящуюся шерсть. Под светом ярких лучей волосинки кажутся золотыми: по ним то там, то тут пробегают крошечные искорки. Вот бы одолжить немного драгоценных длинных ниточек и изготовить себе чудо-панамку! А что? Мама вязала мне такую голубую: только ведь она совсем обычная. А эта защищала бы меня от всего плохого, что только есть на свете...

Мы идём по улице – обе горды собой и друг другом, и улыбаемся. Да, представьте, собаки тоже умеют улыбаться!

Вижу друзей, бегущих навстречу, вместе мы заворачиваем на пустырь под горой. Случайных прохожих здесь нет, и я отцепляю карабин. Мишка держит за пазухой мяч, громко выкрикивая слова считалочки: звучит последнее – и мы бросаемся кто куда. Лохматое облако звонко лает и пытается

догнать сразу и мяч, и нас. Мы захлебываемся хохотом, падаем на изумрудную мягкую траву, и длинный язык щедро облизывает наши загорелые лица.

В попытке перевести дух поднимаю глаза на линию горизонта: со склона, опираясь на толстую палку, спускается старичок. Я знаю его: в детстве покалечился, и это отразилось на рассудке – почти не говорит, больше общается звуками. А ещё он пастух – водит козье стадо по полям и лугам. В голове мелькает что-то, и я уже, с поводком в одной руке и с кепкой в другой, кричу:

– Лайма, ко мне! – она и ухом не ведёт, трусит к нему – пушистый хвост развевается на ветру опахалом. Бегу со всех ног за ней, и тут, будто в замедленной съёмке, вижу, как он заносит руку над её головой – хочет погладить. Я обмираю от страха: собак этой породы, даже очень добрых и воспитанных, ни в коем случае нельзя гладить по голове, там нервы у них, папа рассказывал...

– Нельзя!... – ору не своим голосом и лечу к ним. – Не троньте её-о!

Слишком поздно. Раздается грозный, почти львиный рев, и я вижу кровь, много красной-красной крови. Ненавижу этот цвет с детства.

Пастух прижимает раненую руку к груди и глухо стонет. Поднимаю с земли длинную хворостину и замахиваюсь на собаку:

– У, негодная! – ветка, протяжно вжикнув, разрезает воз-

дух. – Плохая, плохая! – негнушимся пальцами прицепляю поводок. Лайма грозно рычит, крутит мордой. В меня вселяется решимость:

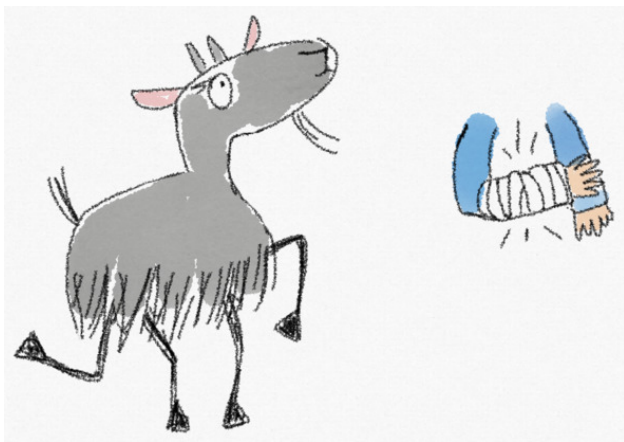
– Мишка, Вань! – мальчишки уже рядом.

– Эх, и сильно прокусила!

– Вообще, смотри, тут уже лужа натекла!

– Хватит болтать! – команду я. – Ведите его к бабе Рае, быстро!

Ванька в шестом классе, Мишка, как я, в третьем, но оба высокие и крепкие. Покидают поле боя медленно: мужчина шатается от слабости. Козы нервно семят за ними – со стороны посмотреть – странная процессия!

Маленькая Наташа плачет: ей только четыре, Ксения пыта-

ется успокоить малышку:

– Лайма хорошая, просто чужих не любит, не плачь! Манька! – я поднимаю голову. – Вот это ты храбрая, а! Я бы сразу растерялась, рот открыла!

– Угу, – угрюмо киваю я, пнув ногой земляную кочку. Колени трясутся, пальцы сжимают испачканный поводок, моя лохматая подруга пристыженно сопит прямо у меня за спиной, а я вслух громко и властно (насколько могу в данный момент) приказываю:

– Домой!

У калитки отец. Подхожу к нему почти вплотную, передаю веревку поводка и чувствую, как мои губы дрожат, понимаю – слишком заметно:

– Папа, а она... а я... – не в силах больше сидеть внутри мой непрожитый страх вырывается наружу бурлящим потоком слез.

– Молодец, молодец, – широкая ладонь гладит меня по макушке. – Я знаю всё, несильно она его, разберемся... Не растерялась! Ты такая смелая!...

Смелая? Я? Кто бы мог подумать, что через несколько лет от храброй отчаянной Маньки не останется ничего?

Футболисты

А у вас есть лучший друг?

У меня есть – Мишка! Темные растрепанные волосы, карие глаза, младше меня на десять месяцев, любит апельсиновый фруктовый лед и лазать по деревьям. Еще он никогда-никогда не плачет, не умеет, наверное. Ну, или очень мужевтс... мужисты... мужественный – вот! Короче, он – мой супергерой!

Когда городские ребята уезжают, мы почти не успеваем соскучиться. Оно и понятно, ведь мы есть друг у друга и этого вполне достаточно. Ванька с соседней улицы как-то назвал нас сладкой парочкой, за что потом здорово получил! Мы – не парочка какая-нибудь, а друзья, пусть знает себе!

В июле у Мишки юбилей, целых десять человеческих лет, а это совсем не шутки! И к столь знаменательному событию Мишкин дядя преподнес любимому племяннику новый футбольный мяч – кожаный, сверкающий черными и белыми пятнами, как и полагается любому уважающему себя мячу. За праздничным столом мы думали не о торте, увенчанном масляными розочками, а о побеге на наше поле, чтобы, наконец, опробовать подарок в деле.

– Чур, я на воротах, – голос друга звонким эхом проносится над пустырем, – А потом смена игрока. Мань, бей уже давай!

Я изо всех сил ударяю по мячу. Мишка молнией бросается в угол воображаемых ворот (ими нам служат два деревянных столбика) и через мгновение вижу его испачканную, но счастливую физиономию:

– Спорим, ты так не сможешь? Я ж мальчишка, лучше ловлю, и скорость выше, да я...

– Бей! – встаю на ворота, страха нет никакого, каждая клеточка моего существа готова к бою. – Только учти, если поймаю, ты проспорил! И сделаешь все, что я скажу, идет?

– Идет! – легко соглашается он. – Все равно же проворонишь!

Слышу звонкий хлопок. Почему, когда мяч летит на тебя, кажется, будто он заслонил собою все небо? Расставляю руки и зажмуриваюсь... Есть! Он мой!

– Поймала-а-а-а! – вне себя от радости воплю я. – Ну всё, проспорил, значит!

По лицу вижу – расстроен, но виду старается не подавать.

– Ну, чего там ты придумала, говори.

– А! – потираю руки я. – Ты ж говоришь, отличный игрок, так?

– Ну... – неуверенно тянет он, – Так..

– Тогда беги во-он туда, где сосна, и оттуда подавай. До-летит до меня, значит, и вправду хорошо бьешь!

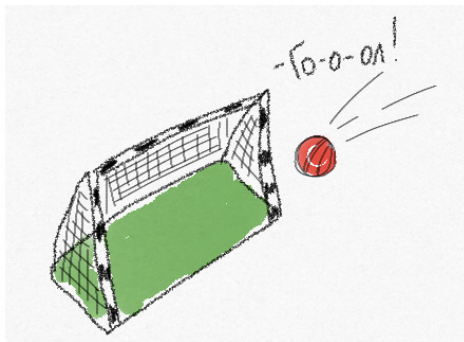
– Согласен, – лицо его становится серьезным, брови сдвинуты. – Так я пошел?

Киваю. Мишка хватает подарок и во всю прыть несется

к указанной точке. Внутренне посмеиваюсь: сейчас посмотрим на этого футболиста!

Вдруг стремительно удаляющаяся фигурка моего лучшего друга пропадает из виду. Упал! Вот, растяпа!

– Ой-ей, – беззлобно хохочу я, – Таких в команду не берут!

Однако Мишка не торопится подниматься. Темный тоненький силуэт лежит на земле. По спине пробегают противные колючки, в горле моментально образуется пустыня, а ног не чувствую совсем – будто одолжила их у старенькой бабушки Зины, живущей в начале нашей улицы.

– Ми-и-ш, – кричу я. – Хватит твоих шуточек!

Нет ответа. Бегу, лечу, клянусь, в тот момент у меня были огромные крылья. Длинные ресницы опущены, руки-ноги разметались по мягкому травяному настилу. Решение при-

ходит в долю секунды: собрав все возможные силы, я хлопаю его по щеке. Мишка, наконец, приходит в себя, в глазах читается боль.

– Маня, – шепчет он, – Манечка... Нога.

Перед глазами у меня все плывет, когда выхватываю из общей картинки две яркие детали – «розетку» из разбитой бутылки, вкопанную в землю, и то, что несколько минут назад было вполне себе целой ступней в зеленой кроссовке, а теперь – что-то красное и мокрое.

Я ненавижу себя и мяч. Себя – больше.

– Вставай, держись за меня! Нам домой надо!

– Ага, я доскачу на одной, – скрипит зубами друг, пошатываясь. Ни слезинки – вот, где настоящая сила!

Мы двигаемся со скоростью улитки, кажется, даже мир замедлил свой ход, а в голове стучит глупый, но на тот момент очень важный вопрос: «Сколько литров крови у Мишки еще осталось?»

Помню противную сирену скорой, я хлопаю своего лучшего друга по плечу и повторяю:

– Хорошо, все будет хорошо.

– Спасибо тебе, Мань. Ой, а мяч-то я там оставил!

Принцесса и Человек-Паук

Конец июля – чудесное время! Больше не надо ходить в школьный лагерь, можно спать, сколько вздумается, и гулять допоздна. Тонкий солнечный луч прямой наводкой попадает в глаз, и, окончательно проснувшись, я вижу, как танцуют на сияющей дорожке сотни пылинок. Сладко потягиваюсь на простыне с утятами, а потом иду на кухню – завтракать. На дверцу холодильника примагничен листочек, написанный маминим мелким почерком: «Доброе утро! Сегодня нужно собрать смородину с трёх кустов. Удачи! Мама.» Она регулярно оставляет такие, чтобы её дочь, вырвавшаяся на долгожданную свободу, помнила о домашних обязанностях.

Медленно пережевываю овсянку: эх, неплохо бы в неё варенья добавить! Но прошлогоднее все закончилось, а нового пока не заготовили. На коленки мне прыгает Маус – странно было назвать кота мышью, но у нас вообще оригинальная семья, чтобы вы знали. Разглядываю своё отражение в ложке. Хм, а вроде ничего, только бы веснушек поменьше! Если бы я была взрослой, обязательно придумала бы средство от них: помазала – исчезли. Одна косичка наполовину расплелась, и, пока мама не видит, расплетаю и вторую – для симметрии. Такие волнистые волосы у меня, почти кудрявые, как у принцессы!... Теперь надо бы завязать их в «хвост» и бе-

жать по делам, но вот беда: Маус уснул, и было бы чудовищным неуважением будить хвостатого члена семьи. Я наблюдаю, как появляются-исчезают острые коготки, то утопая в мягких подушечках, то выдвигаясь и впиваясь в мою штанину. Ай, больно! Кот молнией слетает с насиженного места, а мой взгляд цепляет противень с сушеной малиной: вот, чем можно развеселить унылый вкус овсяной каши! Но добратся до угощения не так-то легко: мама убрала ягоды повыше, на буфет, дабы кот не нашёл, а то слопает все без остатка. Я же предупредила – семья у нас интересная, особенно мохнатая её часть.

Чтобы добратся к цели, нужно встать на тяжелую скамейку. Волоком тащу её из прихожей, когда по всему дому раздаётся мелодичный звон: кто-то пришёл! Бросаю идею усовершенствования завтрака и бегу открывать. В дверном проеме возникает Ксения:

– Эй, ты спишь ещё что ли? – подруга называет меня по имени только в особых случаях, а так, когда жизнь идёт своим чередом – «эй». – Хы-хы, лохматая, как ужас!

– Сама ты ужас, – беззлобно отзываюсь я. – Просто не успела *порядок на голове* сделать.

– Гулять-то выйдешь?

– Ага, только штаны переоде...

Ну, конечно, смородина! И как только я могла забыть про свою обязанность? Мама часто говорит, что у меня ветер в голове и одни фантазии, а папа отвечает, что это очень здо-

рово, далеко не каждая восьмилетняя девочка умеет так сочинять истории, и я должна гордиться этим. А мама – что гордиться – плохо. Пойди, разбери этих взрослых! Но папино мнение мне все-таки ближе.

– Ксень, мне снова смородину велели собирать, – тяжело вздыхаю я и показываю на пышные кусты у забора.

– Опять? Да сколько у вас её?

– Мне кажется, они специально посадили столько, чтобы мучить меня!

– Давай, помогу? Вдвоём-то быстрее!

– Правда? Вот спасибо!

За душевной беседой, как водится, время летит незаметно, и спустя каких-то два часа наши ведерки полны крупных блестящих ягод. Свобода!

– Сейчас в холодильник поставлю и пойдём, ага, – я хватаю урожай и направляюсь к дому. Порывистый ветер срывает с головы кепку, наклоняюсь поднять её и слышу за спиной знакомый звук: так захлопывается дверь.

– Ой-ей, нет-нет-нет, – дергаю я ручку на себя. – Только не это, пожалуйста!

– Чего? – хлопает ресничками Ксения.

– Она закрылась, понимаешь? Наглухо! А ключи там остались, на столе. Как я теперь домой попаду?

– Оставим смородину в бане, там прохладно, – подсказывает подруга, – не испортится.

– Да это-то тут причём? – злится я. – Если я в таком виде

гулять пойду, и испачкаю ещё, а я обязательно испачкаю, ты знаешь, то мама меня сначала немножко убьёт, а потом вообще больше гулять не пустит!

– Да-а, – соглашается Ксения и мечтательно прибавляет: – Ты будешь как принцесса, которую в башне заточили. Только волосы не забудь распустить.

– Да какие там волосы! – горюю я. – Делать-то что? Сколько раз мама говорила, чтобы я была внимательнее, а я только ворон считать умею!

– Слушай, может, через окно залезешь? И изнутри ототрешь дверь, а? У меня так брат сто раз делал, когда дверь захлопывалась.

– Какая ты умная, Ксень! В моей комнате окна наружу открываются, я видела, когда мама мыла. Побежали!

Наверное, я и правда ещё маленькая, раз не умею правильно оценивать расстояние: от земли до подоконника – чуть меньше двух метров.

– Давай, подсажу! – подруга повыше меня (как и все мои друзья, так уж случилось). На ходу скидываю сандалии, встаю на «замок» из её сцепленных ладоней, хватаюсь за раму, р-раз – и я уже на подоконнике!

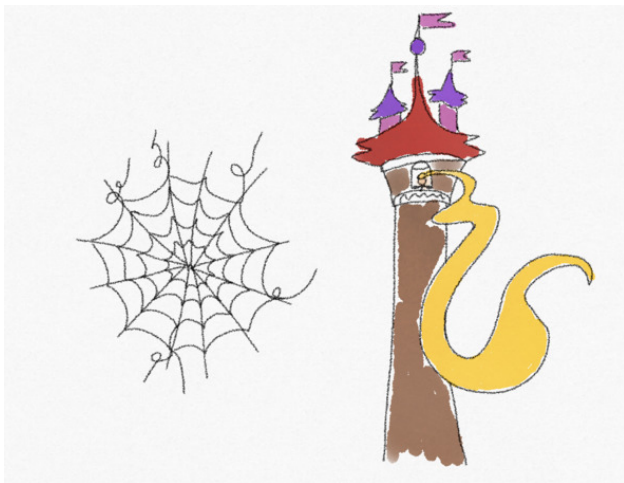
– Есть! Сейчас попробую открыть, – дёргаю на себя створку. – Что-то никак не поддаётся! Ух, чтоб её!

– А другая? – в голосе Ксени ещё теплится надежда. – Ты вторую попробуй!

– Не-а. Ты знаешь, чего?

– М-м?

– Кажется, окна перепутала, – упавшим голосом докладываю я.

– Ну ты и растяпа! Слезай давай тогда, чего там прицепилась?

– Ага, сейча... – оборачиваюсь и вижу под окном груды рассыпанного щебня – как только я раньше не заметила её? Да и расстояние до земли за это время, кажется, увеличилось сразу втрое.

– Ой, а как слезать-то, я же обдеру коленки или вообще шею сломаю!

– Прыгай, ловлю! – растопыривает руки подруга.

– Ага, чтобы я тебя ещё придавила? Нетушки!

На секунду мне становится страшно: пальцы слабеют, дрожат и уже почти отказываются держаться за узкую раму. Внизу ноет Ксения, бормочет что-то про мою скорую погибель.

– Ты это, если разобьёшься, я буду тебя в больнице навещать, – успокаивает она, – апельсинов принесу.

– Да не люблю я их! – дрожь от пальцев перемещается равномерно на обе руки.

– Ну ладно, тогда яблоки, полосатые, – рыдает подруга.

– Сойдёт, – хлюпаю носом я и понимаю: нужно срочно что-то придумывать. Перспектива коротать лето на больничной койке, пусть даже в компании даров, меня совсем не радует. Думай, Манька, думай скорее!

Скоро полдень, время обеда, и на дороге слышны голоса рабочих. Интересно, я, наверное, выгляжу сейчас! Ох, только бы они меня не увидели! Но, поскольку день начался с грустной овсянки, ему уже не стать добрым. Повезло, так повезло.

– Смотрите-ка, – кричит тетя Настя. – Кто это там у Юры на окне висит? Уж не воры ли?

Мой папа – председатель уличного комитета, и его все тут знают. Иногда быть знаменитым не очень, особенно, если у тебя есть маленькая дочь, которая бьет стекла (ну, всего пару раз было!), седлает чужие заборы и берет на абордаж сады (мы с ребятами тогда просто посмотреть залезли,

на минуточку, честно!).

– Надо в милицию позвонить! – отзывается тётя Римма. – У Смирновых в прошлом году так полдома вынесли среди бела дня.

– Да это же Манька, – вставляет дядя Егор. – Играют, наверное, во что-нибудь. Она у них такая выдумщица!

«Уже полдня прошло, а мы сегодня вообще не играли ещё!» – почти вырывается у меня. Про выдумщицу слышать приятно, про милицию – страшно...

– Беги за соседкой, – неожиданно для себя кричу я. – Живо!

У бабушки Вали слабое, но привыкшее к моим выкрутам сердце. Ксения выглядывает из-за соседкиной спины, та подаёт руку, минута – и мои босые ступни касаются земли. Чудесный момент освобождения! Я и вправду чувствую себя вызволенной из башни принцессой, которую охранял дракон. Воображение рисует бабулю Валу в виде дракона, и я прыскаю от смеха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.